

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

D. B. WEISBERG, Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia, New Haven — London, 1967, XVIII + 129 стр. + 9 табл.

Книга американского ассириолога Д. Вейсберга «Цеховое устройство и политическая лояльность в раннеахеменидской Месопотамии» посвящена исследованию важной и малоизученной проблемы ремесла и политического и социального аспектов организаций ремесленников Вавилонии VI в. до н. э. Автор публикует в автографии восемь новых документов из Вавилонской коллекции Йельского университета, а также дает их транслитерацию и перевод, снабдив его подробным грамматическим комментарием.

Исследование автора сосредоточено вокруг одного уникального документа, который он называет «Хартией ремесленников» (*A Craftsmen's Charter*). Поэтому представляется целесообразным сначала дать перевод основной части документа, который в дальнейшем мы условно будем обозначать как «текст 1», а затем перейти к рассмотрению выводов Д. Вейсберга.

Текст 1. «Нидишту-Бел, управитель (храма) Эанна, сын Набу-мукин-зера, потомок Дабиби, и Набу-ах-иддин, царский контролер, полномочный представитель Эанны, сказали плотникам (далее в документе следуют собственные имена, патронимиконы и родовые имена пяти человек), резчикам по металлу (приводятся имена 14 ремесленников), ювелирам (следуют имена 11 человек) и всем (остальным?) плотникам, резчикам по металлу и ювелирам и всем ремесленникам (храма) Эанна, следующее на их (собственном) языке¹: „[Вы будете заниматься] ремонтом и работу по серебру, золоту, бронзе, (драгоценным) камням и дереву и всякую другую работу [будете выполнять. Если] вы

не будете делать эту работу и не будете заниматься ремонтом и [...] если кто-нибудь] будет выполнять работу или заниматься ремонтом [в] другом храме, [то он подвергнется наказанию царя]“.

[Плот]ники, резчики по металлу, ювелиры, все ремесленники (храма) Эанна в полном составе [поклонились (богами) Белом, Набу и царем Вавилонии Киром]² Нидишту-Белу, управителю Эанны, и Набу-ах-иддину, полномочному представителю [Эанны], в следующем: „Никто (из нас) без нашего разрешения не будет самовольно работать или заниматься ремонтом в (других) храмах города или в культовых местах и (вообще) в каком-либо другом месте.

Мы не скроем и не утаим³ все, что мы увидим или услышим относительно того, что кто-либо работает где-либо в другом [месте].

Мы заявляем Нидишту-[Белу], управителю Эанны, и Набу-ах-иддину, полномочному представителю Эанны, следующее: Тот, кто увидит или услышит о том, что кто-нибудь самовольно без разрешения Нидишту-Бела, управителя Эанны, и Набу-ах-иддина, полномочного представителя Эанны, работает в другом храме либо занимается ремонтом, но не скажет (об этом) Нидишту-Белу и Набу-ах-иддину, то он нарушит клятву царю и (поэтому) подвергнется наказанию богов и царя“.

² Перевод Д. Вейсберга «величеством Кира» (*by the majesty of Cyrus*, стр. 8; см. также стр. 16) может ввести читателя в заблуждение, так как в раннеахеменидских текстах из Вавилонии встречается слово *bagani* со значением «величество» (см. *W. Eilers, ZDMG*, 90, 1936, стр. 160 сл.), которого, однако, в тексте 1 нет.

³ В оригинале идиоматическое выражение *ana paširi niltakan* «Мы на стол выложим».

¹ *Ina lišānišunu*. Д. Вейсберг справедливо полагает, что здесь имеется в виду арамейский язык в отличие от аккадского, языка писцов, на котором написана табличка (стр. 14—15).

Свидетели (*далее следуют имена 12 человек*)⁴.

Урук, 29-й день [месяца...] 4-го (?) года⁵ [Кира, царя Вавилона, царя стран].

Автор рецензируемой работы подробно с привлечением большой литературы и документального материала анализирует переведенный текст, его грамматические особенности, исторический фон и содержание. Разбросанные по всей книге выводы могут быть кратко суммированы следующим образом.

В тексте речь идет о свободных ремесленниках, которые добровольно напимаются на работу, а не о рабах или государственных работников. Документ фиксирует дарование некоторым плотникам, резчикам по металлу и ювелирам исключительного права заниматься своим ремеслом в главном святилище Урука, а именно в Эанне. В тексте содержится разрешение, а не приказание работать, так как глагольные формы настоящего времени *tašabbata* и *terruša*, как полагает Д. Вейсберг, надо переводить «вы можете ремонтировать» и «вы можете выполнять работу». По его мнению, в нововавилонском диалекте понятие принуждения может быть передано прекативом, а формы настоящего времени передают, в частности, понятие позволения (стр. 3).

По своему формуляру текст 1 составлен, как полагает Д. Вейсберг, в форме диалога, т. е. добровольного соглашения между независимыми сторонами: А и В предложили 30 поименно названным ремесленникам⁶ контракт; ремесленники приняли это предложение и обязались соблюдать условия контракта; предусматривается наказание для нарушителей контракта; сам контракт был заключен в присутствии большого количества свидетелей, среди которых находились и высокопоставленные государственные чиновники города Урука. Правда, в этом тексте не содержится характерная для диалогных документов фраза *ina ĥud*

⁴ Утверждение Д. Вейсберга, что документ составлен в присутствии 14 свидетелей (стр. 25), неточно.

⁵ Документ датируется 4-м годом царствования Кира (535 г. до н. э.), исходя из просонографических данных. Во всяком случае, датировка временем Кира не вызывает сомнений, поскольку в самом тексте упомянуто его имя. Попутно отметим, что изданные Д. Вейсбергом документы позволяют уточнить годы деятельности некоторых храмовых чиновников.

⁶ Однако после их имен в документе содержится ссылка на «всех плотников, резчиков по металлу и ювелиров». Может быть, поименно названные лица являлись только представителями соответствующих групп ремесленников (к такому мнению склоняется и Д. Вейсберг).

libbišu (дословно: «в радости сердца своего»), отмечающая добровольный характер сделки. Но, по мнению Д. Вейсберга, фраза эта может быть опущена в тех случаях, когда и так ясно, что стороны заключают сделку добровольно (стр. 31).

Кроме того, текст 1 содержит, как полагает автор книги, клятву верности (*oath of loyalty*) царю Киру. А такую клятву (*adu*) могут давать только лица, которые пользуются определенной независимостью. Если бы упомянутые ремесленники были подневольными работниками, то не было бы никакой надобности брать с них клятву и составлять в присутствии свидетелей соответствующий документ, ибо власти могли бы просто приказать им работать, без всяких формальностей (стр. 4, 34—36, 39, 104).

Ремесленники обязались сообщить храмовым чиновником, если они «увидят или услышат», что кто-нибудь из них без ведома и разрешения властей работает на стороне. Почему этим лицам запрещалось работать на других заказчиков? Д. Вейсберг склонен полагать, что в храме Эанна были предприняты срочные работы и поэтому до их завершения ремесленники не могли наниматься на стороне. Но он допускает также возможность того, что в документе речь идет не о временной мере и что аналогичные соглашения заключались «персидским правителем» (*by the Persian ruler*) и с ремесленниками других храмов: каждая группа ремесленников имела монопольное право работать в определенном храме и не должна была нарушать монополию других групп ремесленников. Такой политикой Кир мог заслужить преданность ремесленников. Наконец, возможно, что, запрещая своим ремесленникам работать в других местах, храмовые власти стремились сохранить секреты ремесленного производства в храме Эанна (стр. 37).

Общий вывод автора, что упомянутые в тексте 1 ремесленники являлись свободными людьми, представляется нам правильным, хотя и недостаточно аргументированным. Кроме того, некоторые доводы автора либо спорны, либо ошибочны. Прежде всего, глагольные формы *tašabbata* и *terruša* можно переводить также «вы должны чинить», «вы должны работать»⁷, а не только «вы можете...», с чем, разумеется, согласен и Д. Вейсберг, хотя он и считает, что в рассматриваемом контексте выбранный им перевод точнее передает смысл оригинала (ср. выше менее категоричный наш перевод: «вы будете работать»).

Далее, текст 1, строго говоря, не составлен по формуляру диалогного доку-

⁷ Ср., например, нововавилонскую форму настоящего времени *inamdin*, которая в сотнях документов несомненно передает оттенок должностования — «он должен отдать».

мента, для которого характерно равноправие сторон и добровольность заключаемой сделки. Ср., например, типичную для всех диалогных контрактов схему документа: «N сказал добровольно NN следующее. „...314 (голов) мелкого скота... дай мне внаем“ (далее предлагаемые N условия контракта). Затем NN согласился... (скот) сдал ему внаем (повторяются условия контракта). (Свидетели, место составления документа, дата) ⁸». Что же касается текста 1, это скорее не добровольный контракт, а запись заявления храмовых чиновников, сделанного ими перед ремесленниками, и обязательство последних следовать полученному предписанию (они, вероятно, могли отказать подчиниться предъявленному им требованию, но в таком случае лишились бы работы в храме). Храмовые власти, по-видимому, боялись, что другие заказчики переманят к себе ремесленников и стремились избежать этого.

Д. Вейсберг, несомненно, прав, считая ремесленников текста 1 свободными людьми. Иначе не было бы никакой необходимости в присутствии свидетелей брать с них клятву в том, что они не станут работать на других заказчиков. Кроме того, в документе приводятся не только собственные имена, но и патронимиконы ремесленников, что характерно именно для свободных.

Хотя автор книги привлекает в своем исследовании значительное количество текстов (см. особенно стр. 52—76), он тем не менее оставил вне поля своего внимания основную массу нововавилонских документов, фиксирующих взаимоотношения между храмами и ремесленниками, и именно это обстоятельство не дало ему возможности более убедительно обосновать свое мнение.

Свободные ремесленники заключали с разными лицами контракты на изготовление за соответствующую плату различных изделий (мебели, утвари, одежды и т. д.). По всей вероятности, часть ремесленников работала и на рынок. Храмовая администрация в течение круглого года вынуждена была обращаться в больших масштабах к свободному ремесленному труду: ювелирам, пивоварам, пекарям, кожевникам, кузнецам, медникам, плотникам, архитекторам, ткачам и т. д., о чем свидетельствуют сотни документов ⁹.

⁸ A. T. Clay, *Business Documents of Murashu Sons of Nippur*, «University of Pennsylvania. The Museum. Publications of the Babylonian Section», vol. II, № 1 (далее — UM), Philadelphia, 1912, № 144.

⁹ Для краткости сошлемся на тексты времени Набонида, изданные лишь в одном томе J. N. Strassmayer, *Inschriften von Nabonidus, König von Babylon*, Lpz., 1889 (далее — Nbd), № 10, 25, 31, 49, 55, 56, 60, 88, 89, 94, 96, 98, 99, 109, 110, 115, 117—119, 126, 143, 155,

Нередко храмы обращались и к ремесленникам из других городов. Так, например, ряд документов храма Эбббарра в Сиппаре фиксирует выдачу продовольствия «ремесленникам, которые прибыли из Вавилона» (Nbd 56, 407, 409 и др.). Это, очевидно, объясняется тем, что в самом Сиппаре невозможно было найти достаточное количество работников. Относительно статуса этих ремесленников не возникает никаких сомнений: они работают добровольно, по договору и за свой труд получают наемную плату (idu) деньгами и харчи финиками, ячменем, мукой, пивом и т. д. (kurummatu) в отличие от храмовых рабов, которые получали только пайки.

Кроме того, в документах нередко упоминаются «пекари (богини) Бедит Урукской», «ткачи (бога) Нергала» и т. д. (см., например, Nbd 410), подобно тому как в тексте 1 говорится о «ремесленниках (храма) Эанна». Можно было бы полагать, что это храмовые рабы, но они в отличие от последних получают, в частности, за свою работу денежную плату.

Далее часть ремесленников выполняла работы на храм в течение определенного времени за доходы (isqu), которые выплачивались лицам, обладавшим правом входа во внутренние пределы храма.

Наконец, храмы располагали также определенным количеством ремесленников-рабов.

По мнению Д. Вейсберга, текст 1 свидетельствует о существовании в Вавилонии ремесленных гильдий (стр. 4, 86—105). Как известно, Б. Мейсснер, А. Т. Олмстед и И. Мендельсон считали, что в Месопотамии ремесленники были объединены в специальные корпорации, подобные средневековым цехам ¹⁰. Но М. Сан-Николо и вслед за ним А. Л. Оппенгейм полагают, что в древней Месопотамии даже во времена наивысшего экономического расцвета в VII—VI вв. не было независимых ремесленных организаций и такие организации появились только в эллинистический период, а упоминаемые в источниках объединения ремесленников (пивоваров, кузнецов

156, 159, 162, 164, 174, 186, 212, 220, 222, 230, 235, 237, 281, 301, 317, 320, 333, 337, 339, 349, 357, 370, 376, 381, 384, 394, 401, 406, 410, 411, 413, 414, 416, 425, 428, 429, 431, 432, 447, 462, 465, 472, 489, 499, 514, 544—547, 549, 555, 570, 573, 579, 588, 591, 612, 618, 632, 644 и т. д. (еще более 70 текстов).

¹⁰ См. ссылки в рецензируемой книге, где, однако, не учтены работы советских исследователей, которые отрицают существование автономных ремесленных организаций на древнем Ближнем Востоке. См. лигературу в статье: М. Л. Гельцер, Организация ремесленного производства в Угарите, ИС, 13 (76), 1965, стр. 47.

п т. д.) состояли из государственных и храмовых работников, лишенных всякой независимости и управлявшихся бюрократическим аппаратом. По мнению А. Л. Оппенгейма, в древней Месопотамии не могло быть самостоятельных ремесленных корпораций по экономическим причинам, а именно, ввиду трудностей с получением сырья и отсутствия денежной экономики.

Однако, по мнению Д. Вейсберга, расцвет системы гильдий в эллинистический период по всему Ближнему Востоку невозможно объяснить на базе только лишь эллинистического Египта, и эти организации ремесленников не возникли внезапно, а были продуктом многовекового развития на местной почве. Поэтому, продолжает автор, существование независимых ремесленных корпораций в крупных городах и храмах вполне вероятно для раннеахеменидского периода — времени расцвета торговли, денежной экономики, рынков и возникновения сильного класса кушцов, хотя наряду с членами таких корпораций, по-видимому, были и ремесленники, работавшие на свой страх и риск.

В пользу своего предположения автор приводит следующие доводы. В тексте 1 говорится о групповой солидарности ремесленников и о том, что никто без общего разрешения ремесленников не может работать на стороне. Упоминания в различных текстах о «кварталах» горшечников, кузнецов и т. д. также могут свидетельствовать о существовании ремесленных организаций¹¹. Далее автор ссылается на данные некоторых документов VII—VI вв., которые, как он полагает, говорят о том, что ремесленники располагали определенными общими средствами и выступали в защиту своих членов и их семей; связь между ремесленниками той или иной гильдии не ограничивалась чисто профессиональными интересами, но распространялась также на социальную и религиозную сферы (в частности совместное поклонение богам — патронам данного ремесла).

Но приведенные автором данные текстов весьма скудны, а их толкование в ряде случаев спорно (в частности, это касается вопроса об общих имущественных фондах ремесленников; возможно, что речь идет лишь о получении начальни-

ком отряда платы на всю группу ремесленников для последующей раздачи). Поэтому предположение о существовании автономных замкнутых корпораций ремесленников, состоявших из определенного числа членов и ставивших перед собой цель монополизировать ту или иную отрасль ремесла, в ахеменидской Вавилонии (не говоря о более древних периодах) пока остается не доказанным. Примечательно также, что попытка Д. Вейсберга найти аккадский коррелят для слова «гильдия» оказалась безрезультатной. Он считает таким коррелятом слово *ḫaṭṭu* (стр. 103). Однако, во-первых, как это отмечает и сам автор, это слово пока засвидетельствовано только в документах второй половины V в. из Нишпуре (архив дома Мурашу). Во-вторых, Д. Вейсбергу, к сожалению, осталось неизвестным исследование Р. Кардашина, где рассматривается, в частности, вопрос о ремесленных организациях в Месопотамии¹². Г. Кардашина пришел к заключению, что в V в. в Нишпуре и его окрестностях ремесленники, как и многие другие профессиональные группы (например кушцы), были наделены землей из государственного фонда и распределены на «артели» (*ṣaṭṭu*), которые совместно отбывали государственные повинности за право пользования землей. Следовательно, это — зависимые от государства объединения, а не автономные корпорации.

Сравнивая текст 1 с контрактами об обучении рабов различным ремеслам, автор книги приходит к заключению, что высококвалифицированные ремесленники, занятые тонкой работой с драгоценными металлами, камнями и деревом, были свободными людьми, а более простые виды ремесленного труда (пекарное дело, ткачество, сапожное дело и т. д.) поручались рабам (стр. 103—104). Хотя такой вывод может показаться логичным, тем не менее здесь необходимы существенные оговорки. Во-первых, среди рабов было также некоторое число ювелиров, резчиков печатей и т. д.¹³. Во-вторых, как это показал Сап-Николо, в Вавилонии ремесла в значительной степени наследовались среди свободных от отца к сыну, а рабов ремеслам учили лишь в редких случаях¹⁴. Исследование автора рецензируемой книги еще больше подтверждает это мнение (см. стр. 55—56, 77—85, 103). Некоторые ремесленники, упомянутые в тексте 1 (среди них названы и

¹¹ Ср., однако, А. Л. Оппенгейм, *Торговля на Ближнем Востоке в древности* (Доклад на V Международном конгрессе экономической истории), М., 1970, стр. 24: «Такие слова, как „город мастеров по металлу“, „город кожевников“ и т. п., которые встречаются в нововавилонских текстах, относятся скорее не к специальным кварталам, куда поселяли ремесленников, а к определенным производственным сооружениям, которыми эти ремесленники пользовались».

¹² C. Cardascia, *Les villes de Mésopotamie*, «Recueils de la Société Jean Bodin», 7, La ville, Bruxelles, 1955, стр. 54—61.

¹³ J. N. Strassmaier, *Inschriften von Kyros, König von Babylon*, Lpz, 1890 (далее — Сур), № 325; UM 64.

¹⁴ M. San Nicolò, *Der neubabylonische Lehrvertrag in rechtsvergleichender Betrachtung*, München, 1950, стр. 6.

братья), имеют общих предков, имена которых восходят ко времени за 700 лет до составления данного документа. Наконец, преобладающее число ремесленников было, как об этом свидетельствуют нововавилонские документы, независимо от профессии свободными людьми.

Рассматривая некоторые тексты, автор приходит к выводу, что в нововавилонском диалекте было несколько терминов для обозначения слова «ученик, подмастерье» (arrentice). В частности, одним из таких слов он склонен считать qallu (стр. 65, 100—101), хотя оно — сотни раз засвидетельствованный термин для обозначения рабов. При этом автор ссылается на документы Nbd 788 и 789, где упоминается один ткач, работавший вместе со своим qallu, по мнению Д. Вейсберга, учеником, а не рабом. В обоих документах речь идет о ткаче Бакуа, который известен по большому числу текстов. Он по меньшей мере в течение 21 года (с 552 по 531 г.) упоминается как раб некоего Набу-нацир-апли¹⁵. Если согласиться с толкованием слова qallu, предложенным Д. Вейсбергом, в течение всего этого времени Бакуа был учеником мастера по ткацкому делу. Однако из синхронных контрактов известно, что для обучения в совершенстве ткацкому делу требовалось 5 лет (см. Суг 64). Бакуа более 20 лет вместе со своим хозяином и еще несколькими ткачами (среди которых были рабы и свободные) круглый год был занят выполнением заказов храма Эбббарра в Сиппаре, получая от заказчика шерсть и изготавливая одежды для богов. За свою работу он получал из храма продовольствие и плату, из которой, очевидно, необходимо было платить оброк хозяину.

По мнению Д. Вейсберга, текст 1 — контракт, дарованный Киру или «государственным чиновникам» ремесленникам, чтобы обеспечить их преданность (стр. 15, 47—48, 56). Однако в Вавилонии VII—IV вв. в отличие от II тыс. храмовое хозяйство существовало отдельно от царского (а царское хозяйство в общей экономической структуре уже не имело большого удельного веса). Хотя начиная со времени царствования Набонида в храмовое правление были введены царские контролеры, вряд ли храмовых чиновников в целом можно считать царскими. Трудно также согласиться с утверждением, что текст 1 содержит «клятву верности» Киру. Скорее это клятва именем царя выполнять полученное предписание. Наконец, неверно и предположение, что этот текст — самый поздний

документ, где содержится клятва (стр. 4, прим. 14)¹⁶.

Теперь необходимо вкратце остановиться на других текстах, изданных в рецензируемой книге. Все они, кроме одного документа, составленного в Сиппаре, происходят из Урука и относятся ко времени правления нововавилонских царей и первых Ахеменидов.

В тексте 2 мы встречаемся с храмовым рабом по имени Гимиллу, который выступает в большом числе документов как ловкий мошенник, которого неоднократно судили за хищение храмового имущества (в частности сотен голов скота). Строки 1—6 текста 2 (m)gi-mi-lu... it-te-me ki-i suluppu... a-na kaspi ad-di-in u a-na re-e'-mu-t[u] a-na MAN-ma a-re-e-me Д. Вейсберг переводит следующим образом: «Гимиллу... поклялся: „Я не продал фиников и передам (их) царю в качестве подарка“» (I did not sell, and as a gift to the king I shall present, см. стр. 18). При этом форму addin он считает претеритом, а areme презенсом. Однако читать MAN-ma как šarri-ma «царю» нет оснований. Несомненно, что это слово следует читать mat-ma «кто-нибудь» и в таком случае перевод автора книги отпадает. Кроме того, обе упомянутые глагольные формы являются претеритом (формы 3 лица ед. числа от глагола gemu в претерите и презенсе совпадают). Таким образом, указанное место следует перевести: «Я не продал фиников за серебро и не подарил никому». Далее, вместо 1(en)-eš «сразу» надо читать adi 30 «в тридцатикратном размере». Как видно из текста, Гимиллу был заподозрен в том, что он продал или подарил кому-то финики, принадлежавшие храму Эанне, но он клятвенно отрицал это. Однако если будет установлено, что Гимиллу действительно присвоил финики, он должен был возместить ущерб, нанесенный им храму, в тридцатикратном размере (а не «сразу», как полагает издатель).

Текст 3 фиксирует поручительство двух лиц за храмового должника. Если поручители не приведут его в храм по первому требованию, то должны уплатить 6 мин серебра.

¹⁶ См. совершенно аналогичные выражения ina (d)bel (d)naḫ u adē ša (m)kambuzija / (m)darijamuš (поклялся «богами Белом, Набу и клятвами Камбиза / Дария»): J. V. N i e s and C. E. K e i s e r, Historical, Religious and Economic Texts and Antiquities, New Haven, 1920, № 108 : : 45, 116 : 2; A. T r e m a y n e, Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses, New Haven, 1925, № 116 : 1; 152 : 2; 153 : 3; 165 : 2; 171 : 2; 190 : 8; 192 : 1; J. N. S t r a s s m a i e r, Inschriften von Darius, König von Babylon, Lpz, 1892, No 159 : 2; 182 : 2; 187 : 2; 229 : 4; 260 : : 19; 309 : 1; 339 : 3; 357 : 2; 392 : 2; 434 : 2; 446 : 11 и т. д.

¹⁵ См., например, Nbd 174, 217, 242, 302, 349, 361, 465 532, 544, 723, 751, 783, 879, 880, 888, 889, 892, 908, 1015; Суг 104, 186, 191, 232, 259, 296, 352. Ср. K. L. T a l l q v i s t, Neubabylonisches Namenbuch, Helsingfors, 1906, стр. 18.

Текст 4 относится к редкому для нововавилонского времени типу документов. Один несостоятельный должник храма обязался привести своего сына и передать его храмовым чиновникам и писцам¹⁷ (очевидно в качестве раба или для отработки долга) или же срочно рассчитаться с кредитором. За должника ручается третье лицо.

Текст 5 — фиксация в присутствии свидетелей заявления одного лица о получении им ячменя.

В тексте 6 встречается до сих пор незафиксированное выражение *ša(a)ḡanu ša dulli*, дословно: «документ работы». По мнению автора книги, это письменное разрешение на работу или же удостоверение личности, а возможно, и пропуск для входа в храм (стр. 52, 54)¹⁸. В табличке сказано, что некий Белшуну должен прийти в месяце *adḡaru* (через полтора месяца после составления текста) свой «рабочий документ» и показать его чиновникам храма Эанна. Три поименно названных лица дали поручительство за Белшуну и обязались привести его в храм, а в противном случае должны были уплатить в Эанну 2½ мины серебра. Однако издатель не совсем правильно транскрибировал некоторые места текста и неверно переводит их. В стк. 2 вместо *li-na-ḡam-ma* следует читать *i-na-ḡam-ma*, а в стк. 13 вместо *1(en)-šū-nu — (m)bel-šū-nu*. Последнюю строку Д. Вейсберг переводит так: храмовые чиновники «призовут одного из них (т. е. поручителей) к отчету» (...shall call one of them to account; см. стр. 53). Это место необходимо перевести: храмовые чиновники «разыщут¹⁹ Белшуну». Другими словами, если поручители не приведут Белшуну в храм, они должны уплатить указанную сумму, а храмовые чиновники все равно не оставят его в покое.

Трудно согласиться с данной автором книги интерпретацией текста 7. Этот документ он переводит так: «Шамаш-мукин-апли (вместе с Ардией золото Владычицы урукской, (которое) он унес в дом Ану-рица, подмастерья (человека по имени) Эа-курбанни, должен вынести и отдать... управителю Эанны. [Если он] не вынесет (золота) и не отдаст, то он подвергнется наказанию царя» (стр. 64).

¹⁷ LU.SID.MES. Перевод Д. Вейсбергом этого слова как «жрецы» в данном контексте не подходит, поскольку храмовое правление было чисто гражданским, а жрецы не вмешивались в хозяйственные дела.

¹⁸ Там же рассматриваются различные аналогичные выражения, однако ссылка на текст VAS 4, 154 является опечаткой вместо VAS 4, 155.

¹⁹ *ū-ba-a'ū*. О глаголе *bu'ū* «искать» см. W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, Wiesbaden, 1959, стр. 145.

Это место трудно перевести иначе как: «Шамаш-мукин-апли ...должен привести (*ibbakamma*) Ардию, (который) унес золото (богини) Белит урукской в дом Ану-рица, раба (*qallu*, ср. выше) Эа-курбанни, и передать (его) ...управителю Эанны. [Если он] не приведет (его) и не передаст, то подвергнется наказанию царя».

Таким образом, судя по тексту, некий Ардия унес при неизвестных нам обстоятельствах золото, принадлежавшее храму Эанна, в дом одного раба, а Шамаш-мукин-апли (в какой связи находился он с Ардией, неизвестно) должен был привести похитителя в храм. Утверждение Д. Вейсберга на основании этого текста, что храм выдал золото, вероятно, для работы в частной мастерской, а документ об этом был составлен задним числом, через 5 дней (стр. 65—66), представляется лишненным оснований.

Текст 8, возможно, фиксирует выдачу тонкой муки для выпечки кондитерских изделий. Но в целом текст, как это отмечает издатель, труден для понимания и пока неясен.

Традиционный перевод слова *mar-banī* как «патриция» (стр. 44) неточен, так как этим термином в действительности обозначались все полноправные люди (в том числе и свободная беднота). Например, один брачный контракт предусматривает право невесты выйти замуж вторично за свободного (*mar-banī*), если ее будущий супруг разойдется с нею²⁰. В этом отношении еще более характерен контракт об усыновлении: женщина, занимавшаяся священной проституцией, передаст своего сына усыновителю, когда она выйдет замуж за *mar-banī*²¹. Вряд ли она рассчитывала выйти замуж за «патрицию».

К рецензируемой книге приложено исследование о конечных согласных в нововавилонском диалекте (стр. 106—111). Обычно ассириологи полагают, что в нововавилонском конечные гласные не произносились, кроме определенных случаев (когда они содержатся в чужеземных собственных именах или же несут грамматическую нагрузку). Д. Вейсберг предлагает совершенно оригинальный и, по-видимому, плодотворный подход к этой проблеме. Поскольку в устной речи аккадский язык в I тыс. до н. э. постепенно вытеснялся арамейским, а в клинописи согласные одной и той же группы (например, *d, t, ṭ*) часто не различались, писцы стали искать пути более точной передачи консонантов. Например, в тексте 4 вместо грамматически правильного в контексте *hi-ṭa* написано *hi-tu*, так как писец, по мнению Д. Вейсберга, стремился

²⁰ R. P. Dougherty, *Records from Erech, Time of Nabonidus*, New Haven, 1920, № 17.

²¹ A. Pohl, *Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen*, Roma, 1933, № 14.

передать правильное консонантное произношение слова и поэтому не пожелал воспользоваться знаком DA, поскольку его можно было читать двояко (da/ta).

В заключение необходимо сказать несколько слов об общей оценке рецензируемой книги. Автор издал тексты, существенно обогащающие наши знания о вавилонском обществе. Некоторые из опубликованных им документов уникальны даже для столь обильного источниками нововавилонского периода. Несмотря на

то, что трудно согласиться с некоторыми основными выводами и интерпретацией ряда текстов Д. Вейсбергом, его книга — крупное и важное исследование, которое от начала до конца читается с неослабевающим интересом и большой пользой. Это — одна из тех предварительных работ, которые кладут прочную основу для изучения вавилонского общества середины I тыс.

М. А. Дандамаев